

Воспоминания

СОТРУДНИЦА КАФ. РХ
ЛИДИЯ НИКОЛАЕВНА ПУШКИНА

К ИСТОРИИ КАФЕДРЫ РАДИОХИМИИ И РАДИОМЕТРИИ

Л.Н. Пушкина

Оба курса (радиохимии и радиометрии) и лабораторный практикум были добротнo спланированы д.х.н. Смирновым И.В. и первые лекции прочитаны им же. Он не стал заведовать организованной им кафедрой — предпочел остаться целиком в Институте химии УФНа. В 1953-55 гг. курс радиометрии читал ст. пр. Дариенко Е.П., а курс радиохимии — ст. преп. Штольц А.К. Характерно, что оба они, совершенно разные по характеру и возрасту (Е.П. успел повоевать в 1941-45 гг., а Альберт Константинович лишь в 1951 г. закончил ФФ УПИ), очень дружно и профессионально грамотно создавали кафедру, обучающую культуре работы с р.а. излучателями. С женской аккуратностью и тщательностью в лабораторном практикуме обучали работе с р.а. изотопами ассистенты Л.Б. Левашова и В.С. Колеватова. Приобретенные знания оказывались единственными у специалистов, которых готовили для работ на промышленных установках по разделению изотопов, для исследовательских работ с

«мечеными» атомами, по защите от ионизирующего излучения. Поэтому немногочисленный, но дружный коллектив кафедр хорошо создавал свою ответственность. Практикум по радиохимии, радиометрии при ограниченном количестве часов давал хорошее представление о возможности и методах этих наук. Учебный мастер И.В. Меркурьев отливал «доминки» из свинца, позволяющие экранировать счетчик и образец от «фона», и точность решаемых задач с применением слабоизлучающих образцов была достаточно высокой.

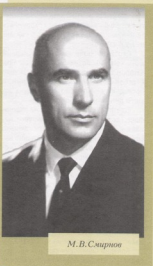
В обстановке всеобщего запрета и эта в общем-то довольно открытая тематика была под грифом «секретно», и все лабораторные журналы хранились в сейфах и спецотделах.

Забавно сейчас вспомнить, как, например, велась поставка изотопов. Из спецотдела — короткий звонок начальника Л.С. Кропановой: «Евгений Петрович, зайдите ко мне». С плазу на глаз сообщалась № поезда, время прибытия и номер платформы ж/д вокзала. Е.П. и учебный мастер И.В. Меркурьев с вечера готовили «тару» для сдачи. Для этого в самодельные свинцовые контейнеры переносили ампулы с р.а. содержимым и снабжали их ленточной «по талии»: «Из контейнера КВ-36-49 № 25». Дальше писать «в открытую» было запрещено, и если бужажка, не дай бог, терялась, трудно было установить, сколько милликури, какого жесткого излучения (и хоть и лицом) держишь в руках. Знать это мог один Е.П., который обычно и занимался подготовкой контейнеров со сдачею и хорошо помнил, какой бумажкой обозначал он ту или другую ампулу.

Назавтра на указанной платформе стоял состав — обычно не пассажирский. Вагон не был известен, и потому Е.П. с И.В. аккуратно молча отищрали шаги вдоль платформы и «вычисляли» своих поставщиков. Те в свою очередь занимались тем же самым: пройдя с десяток раз друг мимо друга, они обменивались выразительными взглядами и скрывались в вагоне. К этому вагону и подкатывали легкую с пустыми контейнерами, которые так же молча обменивались на полные, а затем вручалась документация — не полностью; полная расшифровка опять-таки

шла на спецотдел, и только там мы могли, наконец, узнать, какого «жота в мешке» нам нынче доставили. К чести поставщиков надо сказать, что все поставки осуществлялись в соответствии с заявкой и выдерживались по срокам.

Наверное, мы были молоды и ничего не боялись. Помнится, как А.К. решил навести порядок в сейфе — хранилище изотопов, стоявшем за бетонной стеной, внутри нашей механической мастерской. Он доставал из контейнеров с р.а. изотопами ампулы, диктовал надписи, сверял с помощью сотрудницы, сидевшей за защитной стенкой, содержимое с паспортом — химическое соединение и суммарную активность на такое-то число. И так около часа. Потом ему было нехорошо — упал в обморок во время пятиминутного перерыва на своей же лекции. Был большой переполох с дознанием причин. Кончилось все путевкой на курорт — как будто без последствий: молодые же были!..

М.В. Смирнов